

КРЕЩАТИНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

СРЕДА, 3-го АВГУСТА 1916 ГОДА.

Годъ пятьдесятъ третій

РЕДАКЦИЯ «КРЕЩАТИНСКИЙ»

Открыта для подписки по адресу: газета «Крещатинский»... Редакция «Крещатинский»... Адрес: Киев, Крещатик, № 31.

Подписка и объявление принимаются в Киев: 1) в редакцию «Крещатинский»... 2) в редакцию «Крещатинский»... 3) в редакцию «Крещатинский»...

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

«Крещатинский» с доставкой и пересылкой по почте: 12 р. в год, 10 м. в 6 мес., 8 м. в 4 мес., 6 м. в 3 мес., 4 м. в 2 мес., 3 м. в 1 мес. Цена в год 12 р.

Кино-театр А. А. ШАНЦЕРЪ, Крещатик, № 38.

ЧЪМЪ ЛЮДИ ЖИВЪ.

Драма в 3-хъ актахъ по роману Л. Н. Толстого, съ участием В. Макаровой, А. Вертинской, Е. Кестлеръ и Одной и трое (послѣдняя комедія въ 2-хъ большихъ актахъ).

Театръ Экспрессъ, Крещат. 25.

СОНЪ ЗОЛОТОЙ ПЕЧТЫ

Пьеса въ 4-хъ актахъ, въ краскахъ, съ участіемъ Софьи Дельво и друг. арт. Рематизмъ сердца, вес. ком. съ уч. Леона Перре и друг. картин. Начало сеансовъ въ 6 1/2 час. 4-10 P23738-

И. С. УГЕРЪ специально зуб., бол. и искус. зубы. Пушкинская, 39. Пр. отъ 10-1 и отъ 4-6 ч. в. №14-15 P23371-

Д-ръ Н. П. МИНАЕВЪ. Сиф., венер. бол. 3-7 час. Золотова, 15 (уг. В. Поля), №43-100P21782-

Киевъ, 2-го августа 1916 г. Польскія дѣла. III. Какое устройство Польши было бы всего выгоднѣе для Россіи? Это составляетъ половину русско-польскаго вопроса.

Въ этомъ дѣлѣ прежде всего легко запутаться въ терминологіи. Выраженія «широкое самоуправленіе», «политическая автономія», «реальная унія», «личная унія» и наконецъ «самостоятельность» и «независимость», все это ступени постепеннаго отчужденія Польши отъ остальнаго государства.

Думаемъ, что толкованіе воззванія Верховнаго Главнокомандующаго, какъ обещаніе вести земское самоуправленіе въ Польшѣ, въ настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ было бы явно не выгодно для Россіи. Всеми поляками безъ различія отътѣнговъ такой выходъ былъ бы понятъ, какъ «неисполненіе обещанія», а само «воззваніе» получило бы въ ихъ глазахъ значеніе нѣкоего стратегическаго обмана.

Странно, что въ настоящее время русско-польскій вопросъ былъ бы не только не разрешенъ, но между поляками и русскими былъ бы запущенъ пошлый каніи, въ высшей степени безнравственный. Равнымъ образомъ это произошло бы и въ отношении къ нашимъ союзникамъ, особенно Франціи и Англіи.

Между тѣмъ и эти, «остальные» соображенія «нельзя отказать ни въ вѣскости, ни въ цѣнности. Давъ автономію Польшѣ, Россія совершитъ нѣкоторое дѣйствіе, которое нужно разсматривать, какъ своего рода поворотный пунктъ въ ея исторіи.

Эта идея, часто вопреки законодательству съ его ограничительными законами, непрерывно и неутомимо осуществлялась русскими народомъ, осуществлялась безосмысленно, но стихійно. Что бы тамъ ни говорили, а русскій народъ проявилъ за свою исторію огромныя ассимиляторскія способности.

Д-ръ Сергій Коломойцевъ. Сифилисъ, триперъ (ихъ посылка и обработка) и половыя болѣзни. Пр. 10у-1 ч. д., 6-8 ч. в. Вѣршинъ-поиска, Бѣдинъ, д. 20у. Гоголевская, 2 А (соб. л.). P23767-

Д-ръ Бакинскій. В. носъ, горло, уха. Михайлов. ул., 18, 5-7 вѣч. P23768-

Д-ръ Н. Сергѣевъ. Сиф., венер. бол., перхотъ и выш. воздѣх. Пріемъ 2-5 вѣч. Меринговская, № 4. 302-P2331-

Волею Божіею тихо скончалась на 83-мъ году жизни ИНОКІЯ ВАРВАРА, въ мѣрѣ Евфросинія Алексѣевна Фузикъ, на собственной дачѣ «Нивка», о чемъ сыновья, внуки и правнуки извѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ. Выносъ тѣла въ церковь Св. Троицкаго монастыря, на Сырецъ, состоялся 2-го августа въ 6 часовъ пополудни, а погребеніе 3-го августа, послѣ заупокойной литургіи въ 4 часа пополудни тамъ же на погостѣ. P23796-

Убитые горемъ мать, отецъ и братья извѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ о безвременной кончинѣ сестры милосердія ПРИАМУРАГО ЛАЗАРЕТА ИНОЧКИ ЧАГИНОЙ, убитой 31 іюля при исполненіи долга бомбой съ неприятельскаго аэроплана. О днѣ прибитія тѣла и погребенія будетъ объявлено особо. 1-P23808-

Строительное Управленіе новыхъ линій Общества Московско-Кіево-Воронежской ж. д. извѣщаетъ о безвременной кончинѣ главнаго контролера, дѣйствительнаго статскаго совѣтника КИРИЛЛА ИВАНОВИЧА НАДПОРОЖСКАГО, послѣдовавшей 1 августа с. г. на строящейся линіи Новобѣлица-Прилуки близъ гор. Чернигова. О днѣ погребенія будетъ объявлено особо. 1-P23804-

Друзья и почитатели съ глубокой скорбью извѣщаютъ о безвременной кончинѣ дорогого КИРИЛЛА ИВАНОВИЧА НАДПОРОЖСКАГО, послѣдовавшей 1 августа сего года на строящейся линіи Новобѣлица-Прилуки около гор. Чернигова. 1-P23805-

Советъ старшинъ «Кіевского Общества Клауба» съ душевными пригорьностями извѣщаетъ о смерти члена Клауба и бывшаго товарища ПЛАВА НИКОЛАЕВИЧА КАРПИНСКАГО, послѣдовавшей въ Кіисловѣскѣ 27-го іюля. P23792-

На основаніи Высочайше утвержденаго 31 января 1916 года Положенія о войскахъ призываются на военную службу студенты историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ университета св. Владиміра, въѣзъ въ которыя въ истекшемъ 1915/1916 учебномъ году состояли въѣздъ въ университетъ и въ моментъ настоящаго призыва не выполняли всѣхъ требованій для перехода на четвертый курсъ и получали отсрочки для окончанія образованія при призывѣ новобранцевъ, нижнихъ чиновъ запаса и разнороднаго 1-го и 2-го разрядовъ (лица въѣздныхъ сословій, родившіеся въ 1895, 1896 и 1897 годахъ, призыву не подлежатъ).

Поймѣть, кто любитъ Антоша. Современ. др. въ 4 част. фантас. въ 2 част. съ участ. А. Ферстера. СЕГОДНЯ въ кино-театрѣ КОРСО Крещ. № 30 РЕНЕССАНСЪ. Иллюминат. Театръ. Крещатикъ, 43. Дирекція Р. Зрѣль-бу. При участіи Конференціи А. л. Алексѣева. Сплошной скандалъ. Калики переходячіе. Краковскія. Таинственный гость. Исландскій танецъ.

СЕГОДНЯ БЪГА. Начало ровно въ 1 ч. 40 м. дня. 43-P23804-

ронт, на который не следует закры-

вать глаза. Однако, обо всем этом надо было думать до того, как было обнародовано воззвание Верховного Главнокомандующего. Съ этой минуты, по нашему глубокому убеждению, *жербей* брошена, и вопрос решен безповоротом. Назад идти нельзя. Этого не позволяло ни достоинство государства (а достоинство государства есть, что бы об этом ни говорили немцы, — это одна из самых мощных драгоценностей его жизни), ни интересы войны.

Къ тому же, по нашему мнению, вопрос был решен правильно. Надо было для этой, необходимой для войны, вооружив Россию всей ее духовной мощью, а для этого надо было окрылить духъ всѣхъ национальностей, входящихъ въ ее составъ. Духовный подъемъ — это тотъ немойший капиталъ, который совершенно необходимъ для этой войны, безъ него не достигни она до конца. И подобно тому, как государство заключило огромные денежные займы, не считаясь съ тѣмъ, какую тяжесть оно возлагаетъ на плечи будущихъ поколений, такъ и мы, какъ будущие, приходило по этому духовному капиталу платить не легкие проценты.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что единъ крайний полюсъ въ вопросе устройства Польши, т. е. мысль о томъ, что воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго можно толковать, какъ обещаніе земскаго самоуправления, нужно отбросить.

Но существуетъ другой полюсъ въ польскомъ дѣлѣ: это независимость Польши.

Надо сказать, что независимость Польши выходитъ изъ предѣловъ того, что можно считать общепризнаннымъ воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, ибо въ немъ содержится совершенно определенныя указанія, что Польша должна остаться подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Однако, не представляя секрета, что значительное число поляковъ стоятъ именно на этой точкѣ зрѣнія и желаютъ для себя не политической автономіи, а именно государственной независимости, т. е. Польши, какъ самостоятельнаго сувереннаго государства со своимъ собственнымъ королемъ или президентомъ.

Къ этому надо прибавить, что уже тогда зрѣнія поддерживает известная часть русскаго общества, раздѣляющая старую славянофильскую воззрѣнія. И надо признать, что соображенія, выставляемыя этой группой, во многихъ отношеніяхъ являются въ высшей степени убедительными и даже просто необъяснимыми не столько для поляковъ, сколько для России. Современныя славянофильскія, повторя слова Аксакова, Хомякова, Самарина и другихъ, болѣе всего останавливаются на вопросѣ, удовлетворять ли политическая автономія самимъ полякамъ? И на этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ слѣдующаго рода.

«Что бы ни говорили тѣ поляки, которые высказываются за политическую автономію, или же даже болѣе или меньше широкую унію, какъ бы они ни утверждали, что они являются настоящими представителями польскихъ национальныхъ стремленій, но исторія учитъ другому. Нельзя пренебрегать ея уроками.

Развѣ, спрашиваютъ славянофильскіе императоръ Александръ I не открылъ сейма въ Варшавѣ, развѣ Царству Польскому не была дарована не только политическая автономія, но и государство, приближавшееся не къ реальной дѣйствительности, развѣ Польша не была предоставлена полная самостоятельность вплоть до того, что поляки имѣли свое собственное войско, а наместникомъ польскихъ земель былъ родной братъ русскаго Царя? Развѣ государь Николай Павловичъ, коронуясь императоромъ Россіи, не короновался послѣ этого отдѣльно въ Варшавѣ, какъ Царь Польскій. И чѣмъ все это кончилось?»

Все это кончилось возстаніемъ, въ которомъ приняло участие собственное польское войско и дѣла котораго была отдѣлена Польша отъ Россіи и восстановление ея государственной самостоятельности. И развѣ не сами поляки покинули съ тѣмъ политическимъ устройствомъ, которое имъ сейчасъ предлагаютъ и на которое они какъ будто соглашались, и развѣ это не служатъ лучшимъ доказательствомъ, что поляки хотѣли или все, или ничего? И развѣ не по имъ этимъ же сдѣлаемъ надей, а не какой либо автономіи, было поднято возстаніе 1864 года? Видѣ въ первую половину царствованія Императора Александра II сдѣлана была, какъ известно, попытка организовать Царство Польское на новыхъ либеральныхъ началахъ. Аксаковъ писалъ объ этомъ:

«Неизвѣстные Польскіе русскіе чиновники были замѣнены поляками, организация убѣдителей совѣтовъ и муниципальных учреждений давала полный просторъ земскому самоуправленію». Это, по мнению историковъ, необходимо должно было привести къ установленію въ Польшу широкой автономіи, но, говорилъ Аксаковъ, чѣмъ болѣе свободи и милости оказывались полякамъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе выражались ими радикальныя политическія стремленія». Аксаковъ объясняетъ это такъ: «низшимъ мелководіемъ мы не можемъ привлечь къ себѣ сердца народа, который не хочетъ быть нѣмъ ни казди, ни милости, ни

тѣбѣ, ни великодушій, а только независимости и свободѣ».

Такова аксаковская точка зрѣнія, раздѣляемая и современными славянофильскими. Никакихъ формальныхъ выводовъ изъ этого не делаются, но, по нашему глубокому убеждению, *жербей* брошена, и вопросъ решен безповоротом. Назад идти нельзя. Этого не позволяло ни достоинство государства (а достоинство государства есть, что бы об этом ни говорили немцы, — это одна из самых мощных драгоценностей его жизни), ни интересы войны.

Къ тому же, по нашему мнению, вопрос был решен правильно. Надо было для этой, необходимой для войны, вооружив Россию всей ее духовной мощью, а для этого надо было окрылить духъ всѣхъ национальностей, входящихъ въ ее составъ. Духовный подъемъ — это тотъ немойший капиталъ, который совершенно необходимъ для этой войны, безъ него не достигни она до конца. И подобно тому, как государство заключило огромные денежные займы, не считаясь съ тѣмъ, какую тяжесть оно возлагаетъ на плечи будущихъ поколений, такъ и мы, какъ будущие, приходило по этому духовному капиталу платить не легкие проценты.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что единъ крайний полюсъ въ вопросе устройства Польши, т. е. мысль о томъ, что воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго можно толковать, какъ обещаніе земскаго самоуправления, нужно отбросить.

Но существуетъ другой полюсъ въ польскомъ дѣлѣ: это независимость Польши.

Надо сказать, что независимость Польши выходитъ изъ предѣловъ того, что можно считать общепризнаннымъ воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, ибо въ немъ содержится совершенно определенныя указанія, что Польша должна остаться подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Однако, не представляя секрета, что значительное число поляковъ стоятъ именно на этой точкѣ зрѣнія и желаютъ для себя не политической автономіи, а именно государственной независимости, т. е. Польши, какъ самостоятельнаго сувереннаго государства со своимъ собственнымъ королемъ или президентомъ.

Къ этому надо прибавить, что уже тогда зрѣнія поддерживает известная часть русскаго общества, раздѣляющая старую славянофильскую воззрѣнія. И надо признать, что соображенія, выставляемыя этой группой, во многихъ отношеніяхъ являются въ высшей степени убедительными и даже просто необъяснимыми не столько для поляковъ, сколько для России. Современныя славянофильскія, повторя слова Аксакова, Хомякова, Самарина и другихъ, болѣе всего останавливаются на вопросѣ, удовлетворять ли политическая автономія самимъ полякамъ? И на этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ слѣдующаго рода.

«Что бы ни говорили тѣ поляки, которые высказываются за политическую автономію, или же даже болѣе или меньше широкую унію, какъ бы они ни утверждали, что они являются настоящими представителями польскихъ национальныхъ стремленій, но исторія учитъ другому. Нельзя пренебрегать ея уроками.

Развѣ, спрашиваютъ славянофильскіе императоръ Александръ I не открылъ сейма въ Варшавѣ, развѣ Царству Польскому не была дарована не только политическая автономія, но и государство, приближавшееся не къ реальной дѣйствительности, развѣ Польша не была предоставлена полная самостоятельность вплоть до того, что поляки имѣли свое собственное войско, а наместникомъ польскихъ земель былъ родной братъ русскаго Царя? Развѣ государь Николай Павловичъ, коронуясь императоромъ Россіи, не короновался послѣ этого отдѣльно въ Варшавѣ, какъ Царь Польскій. И чѣмъ все это кончилось?»

Все это кончилось возстаніемъ, въ которомъ приняло участие собственное польское войско и дѣла котораго была отдѣлена Польша отъ Россіи и восстановление ея государственной самостоятельности. И развѣ не сами поляки покинули съ тѣмъ политическимъ устройствомъ, которое имъ сейчасъ предлагаютъ и на которое они какъ будто соглашались, и развѣ это не служатъ лучшимъ доказательствомъ, что поляки хотѣли или все, или ничего? И развѣ не по имъ этимъ же сдѣлаемъ надей, а не какой либо автономіи, было поднято возстаніе 1864 года? Видѣ въ первую половину царствованія Императора Александра II сдѣлана была, какъ известно, попытка организовать Царство Польское на новыхъ либеральныхъ началахъ. Аксаковъ писалъ объ этомъ:

«Неизвѣстные Польскіе русскіе чиновники были замѣнены поляками, организация убѣдителей совѣтовъ и муниципальных учреждений давала полный просторъ земскому самоуправленію». Это, по мнению историковъ, необходимо должно было привести къ установленію въ Польшу широкой автономіи, но, говорилъ Аксаковъ, чѣмъ болѣе свободи и милости оказывались полякамъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе выражались ими радикальныя политическія стремленія». Аксаковъ объясняетъ это такъ: «низшимъ мелководіемъ мы не можемъ привлечь къ себѣ сердца народа, который не хочетъ быть нѣмъ ни казди, ни милости, ни

позволенный 27 июля. Летчики промачивали 300 кило. В 3 ч. 25 м. и сбросили 150 килограммовъ (8 пуд.) взрывчатыхъ веществъ, отъ чего заводъ подвергся сильному разрушенію.

Въ тотъ же день 7—10 цепельницъ появились надъ восточнымъ побережьемъ Англии. По обстрѣливаемые спеціальной артиллеріей и вѣстребными англійскими аэронавтами, они нигдѣ не могли проникнуть въглубь страны: брошенная же ими бомба бѣжала по причинамъ другого вѣтра, кроваго то, что ими были убиты нѣсколько мирныхъ жителей, въ большинствѣ женщинъ и дѣтей.

Волгинъ.

На могилу сына.

Быстро мчалъ нашъ военный автомобиль отъ Каменца къ австрійской границѣ, къ южной части Галичины...

Туда, гдѣ 22 мая свершилась частіа великаго русскаго стремительнаго наступленія, частіа грознаго для врага провала, послѣ котораго русская волна уже покапала неудержимо...

Туда, гдѣ того же 22 мая, въ первую голову, при прорывѣ первой, «неприступной» линіи австрійскихъ укрѣпленій, вѣсплавились команды развідчиковъ Закарпатскаго погранничнаго полка, посланной впередъ полка, на путь къ Родинѣ и мой дорогой сынъ... Не успѣвъ дожить даже до радостнаго известія о русской побѣдѣ, о великомъ успѣхѣ кровавыхъ жертвъ, безстрашно приносимыхъ русской арміей за свою Родину... Не успѣвъ забиться молодое сердце трепетомъ гордости и удовлетворенности боевого успѣха...

Но намъ, вчашившимъ въ его дорогой могилѣ, казалось, что мы еще успѣемъ увидеть его — напряженно ждущимъ вѣсти о томъ, что и его молодая жизнь не обязательно была прервана австрійскимъ снарядомъ... Кажется, что только послѣ этой вѣсти, послѣ нашего свиданія душа его мирно и уже на вѣки «во блаженныхъ водворится».

И хотѣлось, чтобы автомобиль мчался все быстрѣе и быстрѣе по раскатистымъ холмамъ и долинамъ чуднаго, чарующаго Приднѣпровья.

Вотъ мы уже перелетимъ, нигдѣ не останавливаясь, бывшую когда-то австрійскую границу у Дибрца. Прочтается чертѣ нѣсколько деревень и мѣстечекъ съ русскими и еврейскими населеніемъ, мирно и, казалось, уже беззаботно выспавшимъ, въ воскресный день, на улицѣ. Наконецъ домыслимъ и до линіи нашихъ окоповъ, до того мѣста, откуда началось 22-го мая великое русское наступленіе.

Солдаты — шиферы и десантъ — во могли уже удержаться отъ возпоминаній и расказаовъ. Для нихъ эти мѣста связаны съ лучшими минутами боевой жизни ихъ товарищей, успѣвшихъ теперь уже далеко-далеко, а назадъ, сблѣзняки «неприступна» австрійскія позиціи, виднѣвшіяся въ нѣсколько сотняхъ шаговъ отсюда, гудами мусора, по которымъ бродятъ женщины и дѣти, вынесенныя остаткамъ брошеннаго дѣтей австрійцами оружія, проволоки и снаряды...

«Большое колоды вѣды стояли мы здѣсь, — говорятъ солдаты, — какъ на смотрю другъ противъ друга! Въ нашихъ мѣстахъ — такъ было, что хоть въ гости ходи въ австрійскіе окопы! И дѣйствительно, знаете, холмы... Вотъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ мой баринъ — говоритъ 19—20 лѣтній безусый десантъ о такомъ же своемъ баринѣ — ой-ей! на Пасху мы ходили къ австрійцамъ въ окопы разговаривать, а они къ намъ приходили, у нихъ-то вольеры, коньяку и янтаря — сколько-то, папироски тѣе, что только пальцами оближешь... Вотъ мы и угощались, значить, взаимно! А покойный баринъ долго не рѣшался... Но только кто-то изъ офицеровъ и говоритъ: «Эхъ, что жъ вы за офицерскія команды развідчиковъ, если по такому хорошему случаю да не проберетесь въ австрійскіе окопы, да не высмотрите всего, какъ слѣдуетъ! Оно-бы и пригодилось!» Ну, тогда — звали и пошали... И баринъ, и другой офицеръ... Сидяли, выжидали, закусывали... Да подъ туманъ другой — эта офицеръ, прикинувшись пьяно-распьяно, и карту казкую-то важную отсюда къ себѣ домой, въ наши окопы, прислалъ!.. И — хъ, говорятъ, австрійцы зашли-то, и все говорили: «Эхъ, наврядно, тотъ, который меньше билъ, потому какъ другой — ужъ совсемъ до положения жить бы!»... Вотъ такъ друзьями-приятелями и живи-то больше году... Ужъ такъ было, такъ было, что хоть выходи, да говори — «здравствуйте, панъ!» — и ты самъ будешь! А вотъ 22 мая, послѣ 5 час. вечера, нашей-то командѣ развідчиковъ — приказъ идти выдвигать австрійцевъ, какіе еще остались послѣ ураганаго артиллерійскаго огня, въ первой линіи! И пошли!.. Цѣльемъ. Баринъ, другой офицеръ и фельдфебель вперед!.. А австрійцы, что есть мочи, такъ и ссылаютъ, такъ и сыплютъ и пулями, и снарядями... Не успѣли наши и ста шаговъ пробраться отъ своихъ окоповъ, какъ снарядъ прямо барину въ ноги!.. Сосѣда офицера только контузило... Фельдфебель ослѣвленнымъ глазомъ вышибло, а барина — на мѣстѣ: съ правой ноги все мясо съ сапогомъ сорвало, ноги животоу раструвало, да еще и по шею околочило рвануло!.. Подхватили барина солдаты и повели въ окопы... Другой офицеръ и фельдфебель тоже изъ строя ушли... Сыскалась команда... Но малѣйшій утерѣткою скважничкомъ — ложился, запинался, — а команда залезла, но назадъ не пошла!.. А потомъ — приказъ идти показывать командѣ вѣдетъ утерѣ офицеръ, а чтобы первая линія австрійцевъ была очищена!.. И пошелъ, и очистилъ!.. И два Георгия получилъ!.. А полякъ, значить, уже пошелъ потому, что командой развідчиковъ... И успѣли все же похоронить барина и убитыхъ и раненыхъ чиновъ команды развідчиковъ, человекъ восемь... Вотъ дождь, такъ увидѣли — и молчали радомъ, въ одной баринъ, въ другой нижше чинъ... Да еще на другомъ участкѣ, тогда же была убитъ капитанъ Лунинъ... Того молда — третій... И хоронили-то барина съ пулями, весь полкъ, всѣ офицеры были на похоронахъ!.. Похоронили, и сейчасъ же — маршъ дальше... А теперь, вотъ видите, ужъ даже и не слышно, гдѣ... Должна вернуться до сотни быть отсюда!.. Эхъ, жаль только, что мѣст не пришлось организовать барина во все чистое: какъ прислаивать его въ окопы, бросали с командой въ Новосели, гдѣ лежалъ баринова вѣщи,

въ деревнѣ! Бѣгу я, а ужъ слышу — музыка! Доблѣлалъ назадъ, смотря, а полкъ уже только издали видѣется!.. И молда намыслил! Такъ барина въ одной шинели и положили въ гробъ-то!.. Завернула тѣло, въ чѣмъ было, въ шинельку, зѣвала она въ сапогъ, а правая — только наперокъ тряпки обернула, да такъ и положил!

— Ну, вотъ мы и въ нашемъ Новосели-Костиковую подблѣземъ, закончимъ свои воспоминанія деншикомъ.

Небольшая деревушка у шоссе на Заличчии в Черновицки. Отъ Новосели и Заличчии, говорить, всего въ какихъ нибудь 15—20 верстахъ. Слѣды огня и разрушеній въ Новоселѣ — довольно значительныя но, повидимому, она претерпѣла это не теперь, а болѣе года тому назадъ, впроче — почти два года тому назадъ, когда австрійцы, добравшись было до самаго Каменца, затѣвъ стремительно отступили и задержались только здѣсь, надъ Дибрцомъ, уже въ полной надеждѣ, что ихъ дальше не сманут...

На окраинѣ деревни два кладбища: по правую сторону шоссе, по направленію къ Заличчию, и, напротивъ по лѣвую сторону, на противъ мирнаго, новое военное... Сюда и подыхали мы — искать могилу сына... Здѣсь уже много, много могилъ... И старая, уже успѣвшая густо зарости травой, и болѣе ебкая; и съ хорошими, даже выкрашенными, деревьями крестами, съ ясными надписями, и съ крестами, сблѣзанными настихъ, съ надписями карандашомъ, и со всѣмъ безъ надписей: наконецъ, могилами и со всѣмъ безъ крестовъ... Въ западу, къ Заличчию, могилами русскихъ воиновъ: къ востоку и югу — нѣсколько могилъ австрійскихъ, выспалянныхъ, очевидно, еще тогда, во время стремительнаго отступленія австрійцевъ отъ своего фронта.

Вспомнилъ мы на военное кладбище, въ болѣе ебкіемъ могилкамъ... Хотя и онъ, за мѣсяцъ, успѣлъ уже потѣкнуть и даже зарости немногомъ... Ищемъ, и не находимъ... Иены, хороша надпись даже на крестѣхъ надъ могилами нижнихъ чиновъ... А его имени все нѣтъ! И десантъ растерялся: за мѣсяцъ — не то могилъ прибавилось, не то надписи на крестѣхъ пострадалы. Но, наконецъ, съ помощью дѣтей, сблѣзанныхъ съ вѣстѣй за нами на кладбище изъ деревни, поинтересовъ, гдѣ хоронили недавно офицеровъ, съ военной музыкой, нашлась и его могила: на деревняномъ крестѣ, наскоро, еле-еле обструганномъ, мы разобрали, наконецъ, почти стертую уже надпись, сблѣзную карандашомъ: «Подпоручикъ Х-го 3-го полка, Петръ Л...».

Что-то остановилось, замерло въ груди. Точно подошелъ къ тому, въ которомъ, съ глубокимъ тѣмъ, съ страстью, съ тоской и съ тѣлеснымъ гнетомъ назвавшейся на него земли — олъ все-же ждешь слово, хочешь услышать отъ насъ горячее слово, хочешь увидѣть наши горячіе слезы, приходи чѣмъ отойти на вѣки туда, куда вѣстѣ съ нѣмъ отошли уже много — многія тѣлеса такихъ же, какъ онъ, борювъ за Родину... Но не было слезъ, сдержаны были слезы въ тотъ незабываемый мигъ... Мы рѣшились войти въ его домъ на далекой жучбинѣ, только ужъ кровью превращающагося снова въ родную Галицкую землю Россіи... Мы рѣшились все-же взглянуть на него, спустя мѣсяцъ послѣ его смерти, съ тайной надеждой, что онъ хоть на мигъ, по явится передъ нами все тѣмъ же живымъ Петей, каимъ онъ былъ до 22 мая.

Мирно заработали лопаты въ солдатскихъ рукавахъ. Хлопъ могильный расталъ зарею. Лопаты шли все глубже и глубже. Залетали все болѣе и болѣе могильными мухами. Изъ могили потонула тѣлесная духомъ. Солдаты работаютъ все труднѣе и труднѣе; но они солдаты, они отрывають тѣло молодого, славно павшаго въ боя офицера... Могила открыта. Деревянный гробъ изъ старыхъ, наскоро сколоченныхъ основныхъ досокъ, уже виденъ. Березня, старшая не становиться ногами на гробъ, осторожно поднимаетъ наверхъ, ставитъ его у новаго, металлическаго гроба, проблѣвающаго вѣстѣ съ нами изъ Рѣва, что бы увезти тѣло папшаго за Родину герою изъ далекаго Галичина въ родные края.

Вспомнилъ гробъ. Сердце сдавило еще болѣе... Живого Петра въ гробу уже не было... Тѣло было въ «шинель»... Тѣло вѣло въ сапогъ; правая только обернута тряпкой... Но лица, которое стоило мертвымъ глазами, по смотрѣло на насъ; глаза были какъ въ томъ, что чего ждешь вале сердце, такого лица уже не было! Мѣсяцъ работы подземныхъ силъ уже разрушилъ это лицо! Смыслъ это или не смыслъ, уже нельзя было сказать!.. И если бы не такая поразительная точность и безусловная достоверность всѣхъ обстоятельствъ, безусловная надежда на возможную ошибку неминуемо прокралась бы въ челоуѣческое сердце!..

Но и безумной надеждѣ не было мѣста! Это Петра, уже навѣки ушедшій отъ австрійскаго снаряда 22 мая, въ первый же часъ великаго наступленія родной ему русской арміи! Провѣ его оросила эту землю, землю отиной родной Галичины... Въ этой землѣ онъ нашлъ первое мѣсто своего вѣчнаго упокоенія!.. Но, ради живыхъ сблѣзанныхъ его, мы потренили его вѣчный гробъ на полтой русской кровью Галицкой земли, переложили уже неузнаваемые останки его изъ скромнаго, наскоро сбитаго солдатскими руками деревяннаго гроба въ болѣе папшагъ гробъ металлическій, навѣйка уже закрыли его, возложили на него вѣнчикъ и вывезли отъ всего сердца нашего, отъ всей безутѣльной любви нашей, и военный грузовою автомобилемъ, а затѣмъ повѣвъ учать тѣло изъ далекаго Галичина по направленію къ болѣе близкому и родному Рѣву!..

А мы отправлялись еще поклониться и тому мѣсту, гдѣ пропала его кровь въ лѣвѣмъ нашихъ и австрійскихъ окоповъ, на пути къ которымъ, всего въ сотнѣ — другой шаговъ отъ насъ, роковой снарядъ въ одинъ мигъ перервалъ нить молодой, боевой жизни...

Двѣ — три версты за кладбищемъ, по тому же шоссе на Заличчии, у самой дороги выжи отомъ. Назъ нѣтъ, вечеромъ 22 мая, онъ по глазу своихъ развідчиковъ движущу въ первой линіи австрійскихъ окоповъ... А вотъ и небольшая воронка отъ снаряда, впроче въ томъ мѣстѣ, гдѣ по словамъ деншика, и былъ убитъ его баринъ... А вотъ и тѣмъ станокъ отъ снаряда... Мы беремъ его на память... о мѣстѣ, гдѣ свершилось роковое... Идинокъ дои до австрійскихъ окоповъ, видно когда-то прочувшихъ, солдатымъ даже командѣ барина во все чистое: какъ прислаивать его въ окопы, бросали с командой въ Новосели, гдѣ лежалъ баринова вѣщи,

свая кровь папшихъ при наступленіи сблѣзана ихъ однимъ воспоминаніемъ о «неприступности» австрійскихъ позицій... Теперь уже мы далеко далеко ушли впередъ, очутивъ русскую галицкую землю отъ врага... И имъ ее очистить все... Мы перешли ее въ лоно единой, неждимой русской земли... Мы начнемъ на ней новую едную русскую жизнь и исторію!.. Не даромъ проливалась на этой землѣ молодая русская кровь!..

О, если бы и онъ зналъ, что эта кровь проливалась не даромъ!..

Отецъ.

Плѣнные.

У ильцевъ, побывавшихъ на французскомъ фронтѣ, почти всегда карманами набиты всевозможными снимками и открытками. Дайте германцу, самому свирѣлому на видъ, кусокъ благаго мягкаго хлѣба, такого хлѣба, каковаго онъ не видитъ уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, и онъ съ удовольствіемъ вытаскиетъ все изъ своихъ кармановъ и съ пространными объясненіями покажетъ всѣ фотографіи, открытки и валюты «на память».

И самъ проказавъ такой опытъ и на свѣтъ божій показавъ пѣлая патча портретовъ и видовъ, привезенныхъ изъ-подъ Вердена, изъ Ляли и другихъ западныхъ городовъ.

«Посмотрите, пожалуйста, вотъ я самъ у телефонной трубки, а телефоны, была при штабѣ», гордится объяснитъ германецъ, переживавшій огромныя, съ трудомъ запыаиваемыя въ ротъ, куски благаго хлѣба. Съ четырехугольнаго куска фотографическаго картана на вѣстъ смотрятъ три физиономіи: «его» и его двухъ товарищей, у всѣхъ носы пятачута, видно, что сигналы покраивать, чтобы произвели возможно болѣе сильное впечатлѣніе на родственниковъ, которыхъ, впроче, были посланы не одинъ экземпляръ эффектной фотографіи. По одна мелочь на картонѣ портрета, по крайній ирѣ, для меня, все впечатлѣніе — это круглая именьца шапачинокъ безкомырки.

Самый благообразный человекъ въ такой шапчѣ становится странно похожимъ на самаго опаснаго каторжника. У моего же сбѣзника липа и отъ природы не череватъ языкъ красное.

Однако, для того, чтобы не забыть и ильца охотѣ въ дальнѣйшій разговорѣ, я, конечно, не дѣлюсь съ нимъ своими мыслями и продолжаю пересматривать различныя на парохъ снимки.

Вотъ, на одномъ — казалъ-то площадь накого-то очень хорошаго города; посреди площади именьскій оркестръ, — даже на картонѣ видно, какъ раздуваются щеки у музыкантовъ — со старательностью, достойной болѣе лущаго прирѣвня, напирмають какую-то пьесу.

«Что это такое?» — «Этотъ Ляль», отвѣчаетъ владѣлецъ картончѣ, «нашъ командантъ приказалъ оркестру играть для увеселенія зрителей».

Но, повидимому, жителя что-то не особенно увеселены. Кругомъ оркестра стоятъ нѣсколько оборванныхъ унчиныхъ мальчишекъ и болѣе много. Французъ унчественно стойки и отъ незнакомыхъ «боякъ» не желаютъ получить натея! Ротманъ каппельмейстеръ, съ ожесточеніемъ размахивавшій палочкой, стоя посреди оркестра, старается вступую.

На другахъ картончѣхъ изображены германскія орудія, обстрѣливающая Верденъ. Рядомъ съ ними стоятъ артиллеристы, вытанушныя въ струнку и подлѣ глазами невнятные, но, видимо, близко находящіяся и сблѣзана съ сьемной частью. Есть также снимки, которые можно было бы назвать «эпиграфами» фронтѣ именьскихъ солдатъ» — подъ объективъ попало дѣловъ стадо быковъ и коровъ, конвоируемое тощими ландштурмиками.

Ну, вотъ, мяса этихъ животныхъ, по словамъ владѣльца фотографіи, ни онъ съмы, ни его товарищи почти никогда не видали.

Когда ильчивый расстужается, онъ обычно вынаместь изъ наиболѣе потаеннаго кармана самую драгоценную фотографію — снимокъ своей семьи. Это заблѣзательно, но это впроче, что почти каждый семейный австрійскій или германскій ильчикъ при себѣ фотографическій снимокъ со своихъ домашнихъ.

И какъ поразительныя бываетъ контрастъ между тѣмъ, что напечатано на картончѣ, и тѣмъ, что видитъ передъ собой.

На картончѣ, впроче, сидитъ знатный господинъ въ smoking, рядомъ съ нимъ жена въ модномъ платьѣ и шляпкѣ, на колыбѣхъ дѣти въ блѣхъ платяцкахъ намъ костюмчанина.

Передъ нами же — какой-то лѣсной челоуѣкъ, обросшій грязными волосами, сблѣзанный въ кони, въ изорванной, пропитанной кровью куртъ и стоптаныхъ подбитыхъ стертыми жѣзвными гвоздями, сапогахъ.

Сходства почти никакого.

«Да, это былъ я, — со вздохомъ показывая на картонку, говоритъ плѣнный.

Плѣнные тѣхъ частей, которыхъ перебрались командованиемъ противника съ фронта на фронтъ, очень любятъ давать характеристика и сравнивать солдатъ союзныхъ арміи.

«Французамъ! О, и совсѣтъ переимѣнилъ мнѣне о французкахъ, говорить германецъ изъ-подъ Вердена, — а думалъ раньше, что французъ это тряпка, очень любить это челоуѣкъ, неслучайно жеста и красивой позы, что французъ способенъ на порывъ, но не способенъ на медленное, методическое выполненіе чего-либо. И что же оказалось, что она настоячтвостью и стойкостью не уступаютъ намъ, ильцамъ, что ихъ горячность превратлась въ необычную упорство, которому можно только позавидовать. Да, и подарками съ французами, совершенно переимѣнилъ свое мнѣніе о нихъ!..

Но самымъ тяжелымъ фронтѣ — это все же русскій. Во Франціи мы сидимъ на одномъ мѣстѣ въ дѣннихъ окопахъ, запыаивающіхъ и отъ холода и отъ непогоды, здѣсь же мы вынуждены все время маневрировать, солдаты устанутъ, матеріальная часть изнашивается. И, затѣмъ, вы русскіе идете въ атаку въ какомъ-то нейтральномъ количествѣ, на мѣстѣ одного убитаго вырастаетъ десантъ — два здоровыхъ. Прямо въ глаза рубитъ и мучителю. Васъ даже на русскіи фронтѣ каина-то етнхіянагъ меса, а со стнхій это подблѣземъ. Мы не вынолатъ, мы общими вальера исполнять свой долгъ и исполняемъ его; но, каина-

нимаете, со стнхій совладать нельзя, ставъ оправдывать ильцевъ, вылавившій безъ переимѣни всю эту огромную тираду.

Видѣть я также солдатъ-германцевъ, сблѣзавшійся теперь на Стоходъ. Слово «сталль» они произносите съ немовѣрной гордостью, по о болахъ, въ которыхъ нѣмъ приходилось участвовать, вспоминають съ какимъ-то трепетомъ и содроганіемъ. «Это ады какой-то. И гдѣ вы только набрали столько орудій! Земля трясется отъ грохота, и грязь болота, вздымаемая тысячами снарядовъ, высыкаеть въ воздухъ и превращаетъ въ пыль, деревья разбиваются на кусочки, выжиной съ опилки».

Среди этихъ, оравающихся на Стоходѣ именьскихъ гвардейцевъ попадаются еще такие по вышнему виду, каимъ германцамъ были въ началѣ войны: въ каскахъ съ взъерошенными усами.

Побое же теперь германцевъ въ каскахъ почти нѣтъ.

Австрійскіе плѣнные така же, если еще не болѣе, какъ съ национальностей, какъ и прежде.

Австрійцы гораздо откровеннѣе германцевъ. Наши солдаты говорятъ, что у нихъ «душа на распыну, не то, что у ильчѣ, котораго и въ плѣнъ возьмешь, а онъ все хотѣтъ чѣмъ-нибудь въ спину тѣлѣ дивнуться».

«А скоро будетъ миръ?» спрашиваютъ австрійскіе плѣнные.

